

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>
EDN: YPFAMB

Научная статья / Research Article

Синтез политико-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза

В.О. Лаптёнок

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
 viola160596@gmail.com

Аннотация. Мир стоит на пороге смены принципов функционирования рыночных механизмов и глобальной экономической взаимодополняемости стран такими детерминантами, как мощь государств, их ресурсный и военный потенциал, обладание стратегической автономией, готовность к самостоятельным инициативным действиям, прагматичному использованию сложившихся глобальных асимметрий. Актуальной особенностью происходящих трансформаций является не только радикальное изменение глобальных систем управления, но и подходов к самой доктрине общих принципов международного права. «Догоняющий» характер развития инструментов правового регулирования, не поспевающих за стремительной динамикой технологических инноваций, порождает опасения недопустимого «разрыва» между ними. Европейский союз, пересматривая свое отношение к устоявшимся основам сложившегося мирового порядка, ставит целью обновить собственный правовой инструментарий. Однако и другие субъекты международного права в быстро меняющейся международной обстановке трансформируют свои подходы к системе международных соглашений. Глобальная конкуренция юрисдикций обрела крайне острый коллизионный характер, предоставляя обширный материал для анализа. Рассмотрение правовых новелл Евросоюза, нацеленных на переключение экономики на цифровую основу, и его практических шагов по подключению к решению этих задач не только собственных, но и внешних ресурсов посредством формирования новых партнерств и заключения соглашений «нового поколения» с третьими странами иллюстрирует возможности, которые с разной степенью эффективности пытается реализовать ЕС. Практика реализации внешних компетенций Евросоюза на этом направлении – предмет предпринятого здесь междисциплинарного анализа с методологических позиций политико-правовой и формально-юридической логики. Выявленные особенности нормативно-правовой практики ЕС указывают на необходимость их критичной международно-правовой оценки специализированными органами ООН.

Ключевые слова: Европейский союз, внешние компетенции, защита персональных данных, интеллектуальный интеллект, конкуренция юрисдикций, международное право, международное соглашение, цифровизация, цифровой переход, электронная демократия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 19 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

© Лаптёнок В.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Лапте́нок В.О. Синтез политико-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 456–472. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>

Synergy of Political and Legal Instruments in European Union Internal Digital Transformation and External Competencies Practice

Violetta A. Laptsenak

Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Federation Ministry of Foreign Affairs, *Moscow, Russian Federation*
 viola160596@gmail.com

Abstract. The world is transitioning away from a global market-based interdependence of countries towards a landscape dominated by factors such as state power, resource and military potential, strategic autonomy, proactive action readiness, and pragmatic exploitation of global asymmetries. Against the backdrop of this radically altered global governance landscape, the ongoing transformation is reshaping approaches to the general principles of international law. The lag in legal regulation, failing to keep pace with rapid technological innovation, raises concerns about an emerging ‘gap’ between these processes. As it reconsiders the seemingly consolidated current world order, the European Union regularly updates its legal instruments. Simultaneously, other international legal entities are thoroughly re-evaluating their perceptions of existing international arrangements. Global competition among jurisdictions has become increasingly contentious, presenting ample material for analysis. An overview of the EU’s digital transition-related legal innovations and practical steps to align its own and external resources with this objective – though new partnerships and “new generation” agreements with third countries – illustrates the varying degree of EU’s success in harnessing these opportunities. The EU’s external competencies practice is assessed here from an interdisciplinary perspective, drawing on methods and logics of both political and formal-legal analysis. The identified specificities of the EU’s legal practice underscore the need for critical international legal assessment by specialised UN bodies.

Key words: European Union, external competencies, data protection, artificial intelligence, competition of jurisdictions, international law, international treaty, digitalisation, digital transition, electronic democracy

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 19th June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Laptsenak, V.A. (2025) Synergy of Political and Legal Instruments in European Union Internal Digital Transformation and External Competencies Practice. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 456–472. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>

Введение

Помимо масштабов своего единого рынка, высокого инвестиционного потенциала и передовых ноу-хау, в том числе в финансовой сфере (финтех, блокчейн, регулирование криптовалют и пр.), ключевым фактором, на который в обстановке

нарастающей экономической состязательности и глобальной конкуренции юрисдикций рассчитывает опереться ЕС, является прорыв в шестой технологический уклад на основе создания единого цифрового рынка, на котором хождение всех видов продукции и услуг подчинено и соответствует требованиям законодательства ЕС¹. Высокотехнологичные решения имеют место на отдельных направлениях уже сейчас – современные технологии позволяют автоматизировать 45 % выполняемых человеком функций², – но фронтально эта задача не решается одномоментно. Отсюда то значение, которое ЕС придает инновационным технологиям, повышенное внимание к обеспечению кибербезопасности, защиты систем управления, инфраструктуры коммуникаций, транспортных коридоров и маршрутов навигации.

Правящие элиты ведущих европейских стран предстали перед необходимостью реорганизации, совершенствования своих систем и институтов управления и их приведения в соответствие с этими новыми реалиями и возрастающими по своей сложности требованиями их нормативно-правовой регламентации. Правовое обоснование предпринимаемых мер и их законодательное сопровождение указывают на системный подход ЕС к решению возникающих проблем цифровой эпохи. Евросоюз следит за тем, чтобы его законодательство «шло в ногу» с процессом цифровой трансформации.

Приоритетный характер во взаимоотношениях с внешними партнерами на этапе перехода экономики на цифровую основу, внедрения «зеленых» технологий и решения задач наращивания военного потенциала приобрело обеспечение гарантированного доступа к источникам критически важных видов сырья и редкоземельных материалов, более глубокого вовлечения производственных процессов третьих стран в собственные технологические цепочки ЕС.

«Цифровой переход» – один из 6 основных приоритетов современной стратегии ЕС. Наметив первые ориентиры на этом направлении еще в 1990-х гг., Евросоюз конкретизировал задачи в этой области в 2010 г. в Цифровой повестке для Европы³. Уточненная в 2015 г. Стратегия создания Единого цифрового рынка была подкреплена Еврокомиссией (ЕК) в 2016 г. комплексом законодательных инициатив и подзаконных актов. Контуры «цифровой перспективы» ЕС на 2020–2025 гг. утверждены Еврокомиссией в документе «Построение Европы, соответствующей цифровой эпохе»⁴.

Цель, которую ставит перед собой Евросоюз, – добиться цифрового суверенитета, а в перспективе – стратегической автономии. Усилия сконцентрированы на трех основных направлениях: а) динамичное наращивание цифровой экономики, б) создание условий для развития цифровых сетей и услуг, в) расширение доступа к ним потребителей и бизнес-среды. В долгосрочном плане задача, сформулированная перед Евросоюзом председателем ЕК Урсулой фон дер Ляйен, состоит в том, чтобы на глобальном уровне «возглавить процесс перехода в мир цифровых

¹ European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade, para. 16(a). European Commission Brussels, 15 March, 2022.

² Digital Single Market for Europe. European Council/Council of the European Union, 21 September 2020.

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – A Digital Agenda for Europe. European Commission. Brussels, 19.5.2010 COM (2010) 245 final.

⁴ Creating a Europe Fit for the Digital Age, 19 February 2020.

технологий»⁵. «Удержание лидирующих позиций» на этом направлении зафиксировано в программе ЕК на 2024–2029 гг., предопределяя перспективы развития ЕС «на предстоящие полвека»⁶.

Правовая регламентация цифровой повестки ЕС

Два законодательных акта изначально сыграли определяющую роль в формировании цифрового общества ЕС и обеспечении основных прав пользователей, конфиденциальности их данных и неприкосновенности частной жизни: Директива 2002/58/ЕС о порядке обработки персональных данных и обеспечении конфиденциальности электронных сообщений и Генеральный регламент ЕС по защите персональных данных (ГРЗД), который пришел в 2018 г. на смену Директиве 95/46/ЕС о защите данных.

Установки на ускоренную цифровизацию ЕС получили отражение в ряде принятых в последние годы деклараций – Министерской декларации об электронном правительстве (Таллинская декларация, 2017), Берлинской декларации о цифровом обществе и цифровом правительстве, основанном на ценностях (2020), Лиссабонской декларации «Целенаправленной цифровой демократии» (2021), Европейской Декларации о цифровых правах и принципах (2022), Политической программе цифрового десятилетия до 2030 года.

Центральная идея – формирование Единого цифрового рынка, как основы «цифровой экосреды», опирающейся на систему программных технических средств защиты авторских прав в отношении цифровых носителей информации и совокупность методов (шифрование данных, цифровые водяные знаки и т.д.), обеспечивающих распространение продуктов интеллектуальной собственности только среди авторизованных пользователей. Евросоюз и его государства-члены продвигают эти положения в своих отношениях с международными организациями и третьими странами, закрепляя соответствующие принципы в торговых соглашениях и побуждая внешних партнеров к более динамичной цифровой трансформации.

Современная правовая основа цифровой трансформации ЕС представлена целым сводом законодательных актов. С 2022 г. действует Регламент о конкуренции на цифровых рынках⁷. В 2023 г. утвержден Регламент о наращивании производства полупроводниковой продукции⁸ с объемом финансирования 42 млрд евро⁹. С 2024 г.

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Shaping Europe's Digital Future. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Para.1, European Commission. Brussels, 19.2.2020 COM (2020) 67 final.

⁶ Europe's Choice; Political Guidelines for the Next European Commission 2024-2029, Ursula von der Leyen – Candidate for the European Commission President. Strasbourg, 18 July 2024, p.5.

⁷ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on Contestable and Fair Markets in the Digital Sector and Amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) PE/17/2022/REV/1 Document 32022R1925 OJ L 265, 12.10.2022, pp. 1–66.

⁸ Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe's semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 (Chips Act) (Text with EEA relevance). PE/28/2023/INIT OJ L 229, 18.9.2023, p. 1–53.

⁹ EU joins chips race with 42 bn euro bid to rival Asia / AFP Feb. 8, 2022.

применяется Регламент о цифровых услугах¹⁰ и с 2026 г. ожидается вступление в силу всеобъемлющего Регламента об искусственном интеллекте¹¹ – новеллы в мировом законодательстве. Предусмотрен запрет или строгое ограничение таких мер, как применение контролируемых государством цифровых систем социального рейтинга, разделение граждан на категории на основе биометрической идентификации, дистанционное визуальное распознавание и другие действия, ущемляющие права человека и идущие вразрез с нормами Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (запрет дискриминации, уважение человеческого достоинства, защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни и пр.).

Источником извлечения сверхприбылей выступают уже не только природные ресурсы и труд, но и сама природа и сущность человека, его потребности и устремления, модели поведения, вкусовые и потребительские предпочтения.

По аналогии с ГРЗД, законодательство ЕС в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) претендует на статус глобального стандарта. Уже сейчас Регламент ЕС в области ИИ оказывает серьезное влияние на правовые нормы ряда третьих стран. Аналогичное законодательство в 2021 г. было принято Конгрессом Бразилии. Собственное законодательство разработано Китаем. Первый законодательный акт по этим вопросам принят в 2016 г. и обновлен в 2023 г. в США. Важным отличием подхода ЕС к применению искусственного интеллекта от США и Китая является ставка на ИИ «с открытым исходным кодом», т.е. свободным доступом пользователей к базам данных, что рассматривается Брюсселем как фактор, который может обеспечить Евросоюзу конкурентные преимущества в этой сфере и удержание позиций индустриального центра. В 2024 г. на долю ЕС приходилось 25 % мировых НИОКР в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Во внутреннем плане внедрение электронных алгоритмов участия граждан в общественно-политической жизни и взаимодействие граждан с публичной властью и политическими институтами в электронном формате – электронные опросы, электронный сегмент сферы госуслуг и предоставления консультаций, система подачи электронных петиций, ходатайств, электронного правосудия и т.д. (Lolaeva, 2021) – рассматриваются как компоненты «электронной демократии». Так, Франция в 2022 г. в ходе выборов в законодательные органы предоставила своим гражданам, проживающим за рубежом, возможность воспользоваться системой дистанционного электронного голосования, и количество поступивших в ходе этих выборов электронных бюллетеней побило все прежние рекорды, послужив основанием для предложений апробировать эту систему и в ходе выборов в Европарламент, который с 1979 г. формируется на основе всеобщего избирательного права. Однако общего единства подходов государств – членов ЕС в этих вопросах нет. Нидерланды с 2007 г. отказались от ранее внедрявшейся в этой стране процедуры проведения дистанционного голосования; негативное отношение к такой практике нарастает в ФРГ.

Показательной, с точки зрения апробации применения цифровых технологий, стала проходившая в ЕС в 2021–2022 гг. Конференция о будущем Европы, в ходе

¹⁰ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) (Text with EEA relevance) Document 32022R206. PE/30/2022/REV/1 OJ L 277, 27.10.2022, p. 1–102.

¹¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) 2021/0106 (COD), European Commission Explanatory memorandum (Commission proposal for an AI act).

которой современные информационные сетевые технологии целый год активно применялись в режиме открытого доступа для подключения к дискуссиям всех желающих. Среди ключевых итоговых рекомендаций – расширение полномочий наднациональных органов ЕС, а также практики применения процедуры принятия решений квалифицированным большинством голосов, в том числе по ряду направлений Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза. Эксперты ЕС, руководствуясь установками статьи 21 (2) ДЕС, работают над переформатированием и облачением в цифровую форму инструментов реализации внешних компетенций по продвижению правовых норм и стандартов ЕС в мировой практике¹².

Международно-правовой вектор цифровой стратегии Евросоюза

Экспорт регламентирующих норм ЕС через международные институты, – часть общей стратегии Брюсселя по продвижению собственной нормативно-правовой повестки за пределами своей юрисдикции. Высокая степень «встроенности» правовых принципов и регламентирующих конструкций ЕС в международно-правовые режимы облегчает европейским корпорациям ведение бизнеса на льготных условиях с большинством внешних партнеров, поскольку применение международных норм и стандартов предполагает их имплементацию в национальные системы вступающих в международное взаимодействие государств. Как следствие, в дальнейшем уже на двустороннем уровне ЕС получает возможность опираться на международные стандарты, в значительной степени совпадающие с его собственными.

Этим во многом объясняется та важная роль, которая отводится Евросоюзом международным организациям по стандартизации, а также участию в реализации Дорожной карты ООН по цифровому сотрудничеству и разработке Глобального цифрового договора. Продвижение европейских технологических стандартов в сфере цифровизации осуществляется через Международный союз электросвязи, Международную организацию по стандартизации, Международную электротехническую комиссию, Институт инженеров по электротехнике и электронике.

Такое нормативно-правовое встраивание ЕС в глобальные механизмы управления в условиях быстро меняющегося соотношения сил в мире сопровождается нарастающими коллизиями с ведущими державами и нарождающимися «восходящими экономиками» и вступает в серьезную конкуренцию со стандартами, продвигаемыми США, Китаем и другими странами. В противовес, Евросоюз осуществляет тесную координацию действий на этих направлениях в рамках ВТО, Совета Европы, ОБСЕ.

Международная торгово-коммерческая деятельность – традиционно, важнейшая составляющая внешней политики ЕС. На реализацию внешних компетенций ЕС выделяет порядка 10 % своего бюджета¹³. Международные партнерства, торгово-экономические договоры, соглашения об ассоциации и аналогичные форматы взаимодействия рассматриваются Евросоюзом как «инвестиция в будущее». Значение

¹² Berlin Declaration on Digital Society and Value-Based Digital Government at the ministerial meeting during the German Presidency of the Council of the European Union on 8 December 2020, Preamble, 2–3.

¹³ О Европейском союзе и направлениях его деятельности. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейского союза, 2022. С. 34.

этого направления для Евросоюза все более возрастает, учитывая прогнозируемое уже в ближайшей перспективе снижение его доли в мировой торговле до 15 %¹⁴.

Активно развиваются «Цифровые партнерства» между ЕС и его ближайшими союзниками – такие отношения установлены с Южной Кореей, Сингапуром и Японией. Расширяются контакты в этой сфере между ЕС и Канадой. ‘Цифровое партнерство’, оформленное на саммите ЕС–Канада (2023), охватывает взаимодействие в области разработки и внедрения ИИ, квантовые исследования, производство новых видов полупроводников, государственную политику в отношении онлайн-платформ, безопасность глобальных систем коммуникации, кибербезопасность и др.¹⁵

Соглашения нового поколения, заключаемые ЕС с ближайшими союзниками, призваны обеспечить конкурентоспособность европейских компаний в сфере разработки и применения новейших финансовых ноу-хау, предоставления электронных услуг, закрепления доступа к тендерным госзакупкам, арбитража между инвесторами и органами госуправления, субсидирования отраслей экономики; механизмов посредничества, где современные финансовые инструменты имеют в своей основе цифровые технологии.

Возможности информационных систем призваны облегчить вовлеченным в трансграничную электронную коммерцию экономическим операторам ЕС навигацию в сложной нормативно-правовой среде многочисленных внешних партнеров. Необходимая информация заинтересованным предоставляется через официальные сайты ряда органов ЕС – информационные ресурсы Европейского агентства по окружающей среде, Ассоциации Европейских исследований, учрежденных Евросоюзом порталов «экологическое законодательство», «электронное правосудие» и др.

Особый характер партнерства с рядом стран, имеющих с ЕС общие границы, предусматривает льготные условия доступа к их экономическому пространству для корпораций ЕС и, встречно, другой стороне – на единый европейский рынок, но при условии гармонизации ее законодательства с правовыми основами Евросоюза и выполнения других критериев соответствия (Копенгагенские критерии). В рамках заблаговременного «подтягивания» стран-кандидатов на вступление в ЕС на уровень стандартов его экономики ориентирами выступают План действий в области интеллектуальной собственности, Новая промышленная стратегия Европы, Стратегия развития малого и среднего бизнеса для устойчивой и цифровой Европы, Долгосрочный план действий по более эффективному осуществлению и обеспечению соблюдения правил внутреннего рынка и др.

Реализации ряда целевых установок этих программ подчинена и договорно-правовая практика ЕС с менее экономически продвинутыми странами. Адресованные странам с низким и средним уровнем развития, новые проекты ЕС, финансируемые им в рамках программы «Глобальный портал» (300 млрд. евро¹⁶), направлены на повышение безопасности обслуживающих его экономику глобальных цепочек поставок посредством формирования в Африке, Средиземноморье и по всему миру контролируемой инфраструктуры коммуникаций в цифровом, энергетическом и

¹⁴ О Европейском союзе и направлениях его деятельности. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейского союза, 2022. С. 36.

¹⁵ EU and Canada Boost their Strategic Digital Partnership to Address New Challenges. European Commission Press release IP/24/614, Brussels, 1 February 2024.

¹⁶ Global Gateway Business Opportunities. International Partnerships. Official Website of the European Union. Available at: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/global-gateway-business-opportunities_en [Accessed: 23th August 2024].

транспортном секторах. Нормативно-правовая составляющая таких соглашений призвана облегчить «вскрытие» разных рыночных сегментов другой стороны для европейских корпораций, обеспечение для них, как минимум, равных, а при возможности, и преференциальных условий деятельности на зарубежных рынках. Акценты все более смещаются на подчинение управленческих структур и регламентирующих норм этой группы стран внешнему управлению.

Со странами исхода или транзита миграционных потоков в центре внимания ЕС находятся вопросы укрепления пограничного контроля, перенесения на их территорию функций фильтрации и вычленения нелегальных мигрантов, отделения представителей «востребованных в ЕС профессий» от «нежелательных» категорий, смещение на третьи страны задач реадмиссии и ответственности за возможные эксцессы в случае нарушения требований международного права в вопросах выдворения и т.д. Современные средства коммуникации и организации сетевых связей существенно облегчают практическое решение многих из указанных проблем в практике реализации Евросоюзом внешних компетенций.

Евросоюз поставил перед собой задачу создать «Единый рынок цифровых инноваций» не только в пределах границ ЕС, но и с другими регионами, и апробирует эту возможность с Африкой¹⁷, что совпадает и с целями Стратегии цифровой трансформации Африканского союза на 2020–2030 гг.¹⁸ (Prikhodko & Sherov-Ignatiev, 2024:32). Хотя на этом пути немало препятствий, ввиду серьезного разрыва не только в экономическом отношении, но и между правовыми режимами сторон. Правовое обеспечение конфиденциальности данных в странах Африканского союза (далее – АС) осуществляется на национальном уровне, где возможности стран чрезвычайно ограничены. Примерно в половине стран АС отсутствует законодательство по защите и конфиденциальности данных, а в тех странах, где такая правовая база имеется, отсутствуют реальные механизмы для ее обеспечения.

Со своей стороны, ЕС предлагает странам Африки уже готовый «пакетный» подход к формированию систем цифровой инфраструктуры, включая аппаратные средства и нормативно-правовую регламентацию их использования как элементов интегрирования Панафриканской системы платежей и расчетов с европейской системой электронного правительства, охватывающей электронную службу здравоохранения и телемедицины, сети электронной торговли, Единое платежное европространство, Европейскую систему цифровой идентификации личности в качестве основы подключения к услугам персонального цифрового кошелька. Эти направления созвучны приоритетам формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли, налаживания взаимодействия органов госуправления, обеспечения трансграничной совместимости цифровых платежных платформ и систем цифровой идентификации и, в целом, задачам формирования собственного отвечающего мировым стандартам Единого цифрового рынка Африканского союза к 2030 г.¹⁹ В рамках проектов взаимодействия с Африкой Евросоюз продвигает уже

¹⁷ EU and African Union will join forces on Digital Single Market. EU Digital Development Alliance (ADDA). April 30, 2019. – Available at: <https://europeandigital.org/eu-and-african-union-will-join-forces-on-digital-single-market> [Accessed: 23th August 2024]

¹⁸ The Digital Transformation Strategy for Africa: 2020-2030. Addis Ababa: African Union. 65 p.

¹⁹ Teevan, C. (2023) Building a Digital Single Market: From the EU to Africa. The Centre for Africa-Europe Relations. Feb. *ECDDPM Briefing note No.155*, 1–29.

наработанные им правовые нормативы применения цифровых технологий, «заблаговременно формируя механизмы сохранения за собой функций контроля» (Laptsenak, 2024:195).

Создание «афро-европейской платформы цифровых инноваций» предполагает наличие ИТ-логистики, включая прокладку подводных оптоволоконных кабелей, соединяющих два континента, а также кабельных сетей в странах Африки к югу от Сахары. Это требует больших инвестиций, в том числе на реализацию программ создания спутниковой связи и экологических центров обработки данных. Заявленный ЕС размер финансирования на эти цели – 150 млрд евро на период до 2030 г.²⁰

Цифровизация охватывает все сферы, в том числе и такие высокотехнологичные, как космическая отрасль, трансформируя ее и повышая эффективность. Спутниковые системы, цифровые технологии связи и телекоммуникаций – ключевое звено космических исследований, неотъемлемая часть цифровой экономики, охватывающая сетевое взаимодействие, дистанционное управление, автоматизацию процессов. Евросоюзом введены в эксплуатацию собственная Глобальная спутниковая система навигации Galileo, которая обеспечивает точное позиционирование и дистанционное наблюдение за всеми видами автомобильного, железнодорожного, авиационного и иного транспорта на большей части территории ЕС, включая 426 аэропортов. Европейская геостационарная служба навигационного покрытия (EGNOS) отслеживает и корректирует навигационные сигналы со спутников для авиационных, морских и наземных приемных устройств на большей части Европы²¹. На космическую отрасль ЕС приходится 1/3 часть всех находящихся на орбите спутников.

Решению задач цифрового перехода подчинена программа инновационных разработок «Горизонт Европы», а также часть средств Фонда объединения Европы, направленная на развитие инфраструктуры цифровой связи в период с 2021 по 2027 гг. Популярным направлением стало внедрение технологий «умный город», «умный дом», интегрирование сети ‘Интернет вещей’ в высокотехнологичные цепочки «умных» производств, апробирование систем эксплуатации «беспилотных автомобилей» на дорогах общего пользования и др. Объем электронной торговли, степень внедрения новейших цифровых технологий – облачных вычислений, больших массивов данных – индикаторы, отражающие динамику продвижения к цифровому обществу (Bocean & Vârzaru, 2023:875). Все эти направления требуют политико-правовых режимов внедрения и функционирования.

Глобальное соперничество цифровых технологий и конкуренция юрисдикций

Усиленный акцент Евросоюза при заключении международных соглашений на торговые аспекты защиты интеллектуальной собственности, патентное право, конфиденциальность баз данных, введение экологических стандартов, другие компоненты «зеленой» повестки вызывают среди союзников-конкурентов ЕС подозрения в осуществляемой им скрытой подготовке к «несогласованному переходу» на новые технологии.

²⁰ Fitri, A. The EU Wants to Create a Digital Single Market with Africa. It won't be Easy. TechMonitor, Apr. 11. Available at: <https://www.techmonitor.ai/digital-economy/african-european-digital-innovation-bridge> [Accessed: 28th March 2025].

²¹ О Европейском союзе..., см. выше с. 32.

В значительной степени это объясняется неделимостью в правовом, технологическом и экономическом отношении производственного цикла глобальных корпораций (Bradford, 2015:18). Принцип такой «технической неделимости» проявляется и в процессе сбора, обработки, хранения и защиты конфиденциальности персональных данных. Так, в порядке защиты своих интересов в сфере ИТ ЕС требует от зарубежных компаний соответствия применяемых ими методов и принципов ведения бизнеса европейским стандартам. Даже «большая пятерка» ведущих мировых информационно-технологических гигантов (Google, Apple, Facebook²², Amazon, Microsoft) вынуждена следовать этим требованиям, лоббируя затем – из соображений унификации своих технологических процессов – внедрение таких же стандартов в странах своей регистрации и дислокации дочерних отделений.

Вместе с тем, в последние годы, в том числе под воздействием внешних факторов, международные позиции Евросоюза серьезно пошатнулись, тогда как возможности «трансформировать» внешних партнеров снизились. Европейскими экспертами признается серьезное отставание ЕС от США и Китая²³.

Основным партнером-соперником ЕС в сфере перехода на цифровую экономику являются США, что объясняет во многом конфликтный характер отношений между сторонами. Уже Соглашение между ЕС и США о принципах конфиденциальности («Безопасная гавань»)²⁴, позволявшее американским компаниям передавать персональные данные из ЕС в США, не отвечало требованиям ЕС по обеспечению конфиденциальности. Такое наблюдение за гражданами третьих стран за пределами США осуществляется в рамках специальных программ сбора электронных данных (PRISM)²⁵, получаемых через американские технологические корпорации, действующие в странах ЕС. Аналогичные задачи, используя оптоволоконные кабельные магистрали и сети, по которым передается большая часть мировых данных в Интернете, а также системы телефонии, выполняет программа перехвата «Upstream».

Тем не менее, поскольку права, которые предоставляет гражданам ЕС вышеупомянутый Генеральный регламент по защите данных, позволяют оспаривать их нарушение в суде²⁶, следствием ряда апелляций, в частности по делу «Максимилиан Шремс против Комиссара по защите данных» («Шремс I») стало аннулирование Судом ЕС (CEC) в 2015 г. Соглашения «Безопасная гавань»²⁷. Суд признал указанное Соглашение не имеющим юридической силы. Ничтожным с точки зрения права ЕС

²² Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

²³ Marco, J. N. Introduction to Digital Economy in the EU: Class Notes. 1–21. Available at: <https://blogs.uned.es/digitaleconomy/wp-content/uploads/sites/253/2020/12/Introduction-to-Digital-Economy-in-the-EU.pdf> [Accessed: 28th March 2025].

²⁴ Commission Decision 2000/520/EC of 26 July 2000 pursuant to Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council on the Adequacy of the Protection Provided by the Safe Harbour Privacy Principles and Related Frequently Asked Questions Issued by the US Department of Commerce (notified under document number C(2000) 2441) (Text with EEA relevance) Official Journal L 215, 25/08/2000 P. 0007–0047.

²⁵ NSA slides explain the PRISM data-collection program. Washington Post, June 6, 2013. Available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/politics/prism-collection-documents/> [Accessed: 23th August 2024].

²⁶ В ЕС введена специальная регламентирующая норма – «право на разъяснение», предоставляющая пользователям возможность запрашивать разъяснение порядка принятия решений и их мотивов и, при необходимости, оспаривать их либо отказаться от участия в том или ином процессе.

²⁷ ECLI:EU:C:2015:650. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 October 2015. Maximilian Schrems v Data Protection Commissioner. Request for a Preliminary Ruling from the High Court (Ireland). In Case C-362/14, REQUEST for a Preliminary Ruling under Article 267 TFEU from the High Court (Ireland), Made by Decision of 17 July 2014, Received at the Court on 25 July 2014, in the Proceedings. Case C-362/14.

было признано Судом ЕС в 2020 г. в рамках дела «Шремс II»²⁸ и последующее Соглашение по этим вопросам между ЕС и США («Щит конфиденциальности»²⁹), ввиду его несоответствия требованиям статьи 45 (1) ГРЗД по смыслу статей 7, 8 и 47 Хартии Европейского союза об основных правах и статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)³⁰. Таким образом, СЕС дважды признавал неправомерный характер передачи данных между ЕС и США и не соответствующими европейскому праву соглашения между сторонами. Систематические нарушения законодательства ЕС в области защиты персональных данных обернулись для социальной сети Facebook³¹ в 2023 г. штрафными санкциями в размере 1,2 млрд евро, выставленными поглотившей ее американской технологической компании Meta³² в связи с передачей Соединенным Штатам конфиденциальных данных пользователей³³.

Большие массивы данных, которыми располагают такие компании и крупные облачные провайдеры, как Amazon Web Services (AWS), Microsoft Azure, Alphabet (обладатель поисковой системы Google Cloud Platform), Oracle Cloud, Salesforce Cloud, широко используется как в коммерческих целях, так и для политических манипуляций³⁴. Невероятный объем информации о потребительских предпочтениях миллионов пользователей цифровых сетей обеспечивает таким конгломератам, как сервис микроблогов и социальная сеть X³⁵ (ребрендинг прежнего Twitter³⁶), корпорациям Microsoft, OS Apple, Alphabet (обладатель поисковой системы Google), владельцам интернет-платформ обмена услугами Airbnb, Uber и им подобным возможность извлекать квазимонопольную ренту на многие миллиарды из своего доминирующего положения на мировых рынках.

Властные структуры многих стран находятся в полной зависимости от этих сформировавших собственную вертикаль глобальной иерархии глобальных корпораций. Европейские государственные учреждения, использующие операционные системы Windows, Windows Phone, Android, macOS, iOS, iPadOS и обслуживающий их офисный пакет корпорации Microsoft, фактически находятся в полной технологической зависимости от американского корпоративного ИТ-сектора, тогда как ЕС не только не обладает контролем, но даже и сколь-нибудь существенным доступом к базам данных гигантских корпораций Силиконовой долины. И ситуация

²⁸ ECLI:EU:C:2019:1145. Opinion of Advocate General & Saugmandsgaard ØE delivered on 19 December 2019 (1) Case C-311/18 Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited, Maximillian Schrems, interveners: The United States of America, Electronic Privacy Information Centre, BSA Business Software Alliance, Inc., DigitalEurope.

²⁹ Agreement between the United States of America and the European Union on the protection of personal information relating to the prevention, investigation, detection, and prosecution of criminal offences. Document 22016A1210(01). OJ L 336, 10.12.2016, p. 3–13.

³⁰ ECLI:EU:C:2019:1145. Opinion of Advocate General..., Op.cit. V. Conclusion. Para 343.

³¹ Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³² Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³³ Binding Decision 2/2023 on the dispute submitted by the Irish SA regarding TikTok Technology Limited (Art. 65 GDPR): Adopted on 2 August 2023. Available at: https://www.edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/binding-decision-board-art-65/binding-decision-22023-dispute-submitted_en [Accessed: 17th August 2024].

³⁴ Rf.: Regulation (EU) 2022/1925 ..., Op.cit.

³⁵ Запрещена на территории Российской Федерации.

³⁶ Запрещена на территории Российской Федерации.

существенно не изменится до тех пор, пока ЕС не разработает собственную операционную систему с глобальным охватом и не создаст свое стандартное программное обеспечение, сети и поисковые системы.

Брюссель, однако, осознает значение и предпринимает практические усилия по формированию совместной с Вашингтоном евроатлантической цифровой инфраструктуры и ее распространению на третьи страны. В 2022 г. ЕС и США инициировали подписание Декларации о будущем Интернета, к которой привлекли более 60 стран (Schütte, 2023: 14). Среди приоритетов трансатлантического взаимодействия – разработки в сфере искусственного интеллекта (ИИ).

В свою очередь, продвигаемый Евросоюзом либеральный подход к принципам функционирования и использования «глобальной паутины» наталкивается на оппозицию Китая, который, руководствуясь соображениями национальной безопасности, противопоставил ему собственное видение «четко выделенного национального интернет-пространства» (Mitter, 2022). Альтернативой открытому Интернету, основанному на единых глобальных стандартах, Китай инициативно продвигает собственный централизованный интернет-протокол (IP) (Montgomery & Lebryk, 2021).

В Африке конкуренция ЕС с Китаем в сфере цифровых технологий усугубляется предпочтением, которое отдают африканские страны условиям, на которых предоставляет свое финансирование Пекин. Китайские технологические корпорации Orange, MTN GlobalConnect, China Mobile International осуществляют совместный проект, который уже в 2024 г. охватил интернет-связью общей протяженностью 37 тыс. км не только весь африканский континент, но и страны Ближнего Востока³⁷. Ввиду серьезных расхождений в позициях и возрастающей напряженности во взаимоотношениях остается нератифицированным Всеобъемлющее соглашение по инвестициям между ЕС и Китаем³⁸, хотя Китай занимает лидирующие позиции по запасам редкоземельных материалов (95 % мирового экспорта), от которых находится в критической зависимости электронная промышленность и сектор ВПК стран ЕС.

Не осталась не затронутой технологической состязательностью и инфраструктура финансовых инструментов, включая глобальную сеть обмена финансовыми сообщениями SWIFT. «Инфраструктурная геополитика» породила в условиях беспрецедентного по своим масштабам санкционного противостояния последних лет альтернативные SWIFT-аналоги – INSTEX (европейский механизм обхода антииранских санкций США при проведении европейскими экономическими операторами транзакций с Ираном без применения расчетов в долларах США), CIPS (при торговых сделках в юанях), SEPA (для расчетов в евро со странами ЕС), СПФС (российская система передачи финансовых сообщений), BRICS Pay (единая платежная система стран БРИКС)³⁹. Появилось также множество альтернативных корневых систем доменных имен (DNS). Китай разработал и ввел в эксплуатацию собственный интернет-протокол, отгородившись от глобальной сети «цифровой стеной» («Великий китайский файрвол»).

³⁷ Clarke, L. Has China Already Won the Battle for Africa's Internet? TechMonitor, Feb.26. Available at: <https://www.techmonitor.ai/policy/geopolitics/has-china-already-won-battle-for-africa-internet> [Accessed 28th March 2025].

³⁸ EU-China Comprehensive Agreement On Investment – Agreement in Principle. European Commission, December 2020.

³⁹ Лосев А. BRICS Pay – единая платёжная система стран БРИКС / Валдайский клуб, 05.03.2019 г. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/brics-pay/> (дата обращения: 28.03.2025).

В России принят Указ Президента от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», а с 2019 г. вступил в силу закон о «суверенном Рунете» и создании собственной системы маршрутизации интернет-трафика⁴⁰. Указом Президента от 13 июня 2024 г. также внесены изменения в Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации»⁴¹. Самостоятельную инфраструктуру корневых серверов и сетевого взаимодействия Россия предложила ввести странам БРИКС⁴². Альтернативы, предлагаемые новыми финансовыми технологиями, выводят инфраструктуру финансовых систем из-под контроля конкретных государств (Goede & Westermeier, 2022: 10-11). Подрывая гегемонию конкретных стран в сфере управления финансовыми потоками, современные альтернативные платежные системы лишают их возможности диктовать свою волю другим государствам. Среди возможных инструментов – блокчейн, криптовалюта и т.п. (Campbell-Verduyn & Giumelli, 2022; Rosales, 2019).

Неотъемлемым элементом реализации внешних компетенций Евросоюза в условиях нарастающей глобальной конкуренции стали санкционные режимы и трансформация глобальных взаимозависимостей в средство подавления конкурентов. Масштаб всеобъемлющих антироссийских санкционных мер, применяемых в обход СБ ООН странами ЕС в одностороннем порядке либо в составе многонациональных коалиций, приобрел беспрецедентный характер и вышел на уровень фактически тотального бойкота и прекращения торговли, побуждая страны-объекты подобного политическим мотивированного гибридного воздействия к поиску и разработке альтернативных моделей международного взаимодействия.

По состоянию на январь 2025 г. общий пакет антироссийских санкций, введенных странами Запада с 2014 г., охватывал 24 311 мер, среди которых доля ЕС составляет 2482⁴³. Затрагивая значительную часть рыночного ИТ-сегмента, санкции затрудняют функционирование и использование информационных активов, влияют на их устойчивость к кибер-угрозам, ведут к дезорганизации бизнес-процессов.

Новеллой в сфере применяемых ЕС ограничительных мер стало придание с 2022 г. действиям, осуществляемым в обход санкционных предписаний Евросоюза, характера уголовно наказуемых деяний по смыслу ст. 83 ДФЕС, дополняющих перечень правонарушений, предусмотренных п. 1 этой статьи⁴⁴. Нацеленность этих мер на регулирование деятельности, выходящей за рамки внутреннего законодатель-

⁴⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 № 90-ФЗ. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201905010025> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴¹ Указ Президента РФ от 13.06.2024 № 500 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. N 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации». Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406130032> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴² Игнатов А., Зиновьева Е. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // РСМД, 24.01.2024. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suvernitet-v-povestke-obedineniya-briks/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁴³ Russia Sanctions Dashboard. /Castellum.AI, Jan. 19, 2025.

⁴⁴ Council Decision on Identifying the Violation of Union Restrictive Measures as an Area of Crime that Meets the Criteria Specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union, Inter-institutional File: 2022/0176 (NLE) 10287/1/22 REV 1, Brussels, 30 June 2022, para. 18, p. 7.

ства стороны, применяющей санкции, позволяет рассматривать их как экстерриториальные по своей сути (Beaucillon, 2021:1–17) вторичные санкции (Kiku & Timofeev, 2023:236).

В свою очередь, в рамках принятого Евросоюзом в 2023 г. 12-го санкционного пакета был предусмотрен запрет на владение гражданами России, контроль или занятие российскими лицами и резидентами каких-либо должностей в руководящих органах юридических лиц, организаций или учреждений, предоставляющих услуги по кошельку, счету или депозитарному обслуживанию криптоактивов⁴⁵. Параллельно Евросоюз обуславливает предоставление имеющим «особые отношения» с Россией странам Центральной Азии и Закавказья льготного доступа на рынок ЕС на основе «Всеобщей системы преференций +» строго в увязке с блокированием обхода ими введенных ЕС антироссийских санкций⁴⁶.

ЕС и его ближайшие союзники везде, где они обладают влиянием, используют всю совокупность ассиметричных глобальных взаимозависимостей, опираясь на «эффект паноптикума», когда центральное положение того или иного государства в сетевой системе позволяет ему использовать контроль над ней для извлечения преимуществ над соперниками и оппонентами, а при необходимости, и просто отключать их от системы (Farrell & Newman: 46-53). Это отчетливо проявилось в действиях по отключению ведущих банков России от межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (SWIFT), охватывающей 212 стран мира и свыше 10 тысяч банковских учреждений, страховых компаний и корпораций (Goede, 2020:251–268), осуществляющих почти 80 % всех мировых финансовых транзакций (Scott & Zachariadis, 2014:127). Враждебное кибервторжение в сети другого государства с целью подрыва его системы управления, банковской структуры, дезорганизации товарной либо финансовой биржи, – ввиду масштабов наносимого ущерба, – можно рассматривать как нарушающее обязательства по статьям 2 (3) и 33 Устава ООН разрешать споры мирным путем и в духе «доброй воли».

Вопрос легитимности или правомерности санкционных действий ЕС непосредственно связан с порядком предоставления региональным организациям мандата на использование мер принуждения. В соответствии со ст. 53 (1) Устава ООН, «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности ООН». Лишь этот Совет наделен прерогативой введения принудительных мер в отношении государств-делинквентов.

Субъекты региональной политики вправе применять ограничительные меры лишь в отношении входящих в их состав государств. Более широкий территориально-пространственный охват санкционных мер, осуществляемых региональными объединениями, возможен, разве что, в случае, если они выступают от имени всего мирового сообщества, являясь «агентом-исполнителем», выполняющим мандат, выданный Советом Безопасности. Самостоятельное введение санкций региональными интеграционными объединениями, многонациональными коалициями или отдельными странами возможно лишь в порядке самообороны, реторсий, репрессалий, в

⁴⁵ EU Adopts 12th Package of Economic and Individual Sanctions against Russia / EU NeighboursEast, Dec.19, 2023.

⁴⁶ EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest developments. European Commission Directorate-General for Trade. 2024.

виде расторжения дипломатических или консульских отношений либо их приостановления.

Тем не менее, ЕС руководствуется полномочиями на введение санкций, предусмотренными в его собственных учредительных актах и со вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 г. и получившими закрепление в праве ЕС. Наделив собственное право статусом выше международного и опираясь на ст. ст. 29 ДЕС и 215 ДФЕС, а также на Регламент (ЕС) № 833/2014 Европейского Парламента и Совета от 31 июля 2014 г., Регламент 2020/1998 (замораживание активов, блокирование транзакций, визовые ограничения и др.) с изменениями, внесенными Регламентами 2021/371 от 2 марта 2021 г.⁴⁷ и 2021/478 от 22 марта 2021 г.⁴⁸, Евросоюз самостоятельно вводит ограничительные меры в отношении третьих стран, не подпадающих под его юрисдикцию.

ЕС, пожалуй, единственный пример среди интеграционных объединений, где объявленные санкции имеют прямое действие в государствах-членах (Eckes, 2021:219). Параллельно ЕС разрабатывает механизмы придания своим односторонним санкциям многостороннего характера и с целью максимального расширения их географического охвата добивается, чтобы вводимым им санкционным режимам следовали также не входящие в его состав государства-члены Европейского экономического пространства (ЕЭП), партнеры ЕС в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), Восточного партнерства (ВП), Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и др.

Действия вразрез с принципами свободной международной торговли оборачиваются не только упущенной европейскими корпорациями выгодой, но и утратой ниш на зарубежных рынках, судебными исками, международной ответственностью за неправомерный ущерб⁴⁹, а для ЕС – топливным кризисом, подрывом собственной энергобезопасности, усложнением задач «зеленого перехода». И это далеко не исчерпывающий список. Наметившаяся тенденция к деиндустриализации и «бегству за океан» высокотехнологичных компаний – тревожный для Брюсселя сигнал возвращающегося бумеранга.

Заключение

ЕС на постоянной основе совершенствует свою систему нормативно-правового регулирования цифровой экономики, вводя все новые законодательные акты, директивы, регламенты, системы сертификации и стандарты. Среди очевидных преимуществ ЕС – продвинутая фаза формирования собственного Единого трансграничного цифрового рынка, Единого европейского платежного пространства, Единого телекоммуникационного пространства, всесторонне разработанная система единых пра-

⁴⁷ Council Implementing Regulation (EU) 2021/371 of 2 March 2021 Implementing Regulation (EU) 2020/1998 Concerning Restrictive Measures against Serious Human Rights Violations and Abuses. OJ L 71 I, 2.3.2021, p. 1–5. Document 32021R0371.

⁴⁸ Council Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 Implementing Regulation (EU) 2020/1998 Concerning Restrictive Measures against Serious Human Rights Violations and Abuses. ST/6935/2021/INIT. OJ L 99I, 22.3.2021, 1–12. Document 32021R0478.

⁴⁹ Ряд исков в рамках судебных разбирательств, проведенных Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) и даже собственным Судом ЕС (СЕС), поставили вопрос о международной ответственности Европейского союза.

вил защиты персональных данных и обеспечения их конфиденциальности, оказывающая влияние на деятельность компаний не только в Европе, но и во всем мире. Интерес внешних партнеров вызывает к себе Европейская инфраструктура цифровых услуг, объединяющая национальные порталы электронного правительства, электронные системы здравоохранения, дистанционной визуальной идентификации.

Вместе с тем цифровые технологии из средства производства все более трансформируются в инструмент целенаправленного воздействия на потребительские предпочтения граждан, обеспокоенность которых вызывает едва ли ни безграничное влияние, которым обладают ведущие мировые технологические корпорации на рынке труда, товаров и информационных услуг, их ускользающая от контроля со стороны государства и общества деятельность.

Сопутствующая этим процессам широкомасштабная санкционная практика ЕС, порождая расхождения с действующими контрактными обязательствами сторон в рамках частноправовых связей, порождает многочисленные арбитражные разбирательства, штрафы, угрозу банкротства. Неизбежное их следствие – прогрессирующая утрата доверия в отношениях между деловыми партнерами и общая деградация климата экономических и политических отношений.

Обращение ограничительных мер в инструмент деструктивного воздействия на оппонентов создает предпосылки для более глубокой теоретической проработки, международно-правовой регламентации и кодификации этой категории международного права в работе Комиссии международного права.

References / Список литературы

- Beaucillon, C. (ed.) (2021) *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited.
- Bocean, C.G. & Vărzaru, A.A. (2023) EU Countries' Digital Transformation, Economic Performance, and Sustainability Analysis. *Humanities and Social Communications*. 10 (1), 1–15. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02415-1>
- Bradford, A. (2015) The Brussels Effect. *Northwestern University Law Review*. 107 (1), 1–68.
- Campbell-Verduyn, M. & Giumelli, F. (2022) Enrolling into Exclusion: African Blockchain and Decolonial Ambitions in an Evolving Finance/Security Infrastructure. *Journal of Cultural Economy*. 15 (4), 524–543. <https://doi.org/10.1080/17530350.2022.2028655>
- Chander, A. & Lê, U. (2013) Free Speech (February 25). UC Davis Legal Studies Research Paper No. 351. *Iowa Law Review*. 100, 501–547. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2320124>
- Eckes, C. (2021) EU Human Rights Sanctions Regime: Striving for Utopia Backed by Sovereign Power? *European Foreign Affairs Review*. 26 (2), 219–242.
- Goede, M. de. (2020) Finance/Security Infrastructures. *Review of International Political Economy*. 28 (2), 351–68. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1830832>
- Goede, M. de & Westermeier, C. (2022) Infrastructural Geopolitics. *International Studies Quarterly*. 66 (3), 1–12. <https://doi.org/10.1093/isq/sqac033>
- Gordon, J. (2019) The Hidden Power of the New Economic Sanctions. *Current History*. 118, 804, 3–10.
- Kiku, D. & Timofeev, I. (2023) A New Stage in the EU Sanctions Policy: Extraterritorial Measures. In: Timofeev, I.N.; Chupriyanova, P.I.; Trotskaya, K.V. (comp.) *Politics of Sanctions: Goals, Strategies, Tools: Anthology*. 3rd rev. ed. Russian Council for International Affairs (RCIA). Moscow, NP RSMD Publ., 236–240. (in Russian).
- Кику Д.; Тимофеев И. Новый этап политики санкций ЕС: экстерриториальные меры / Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 3-е, перераб. и доп. / [сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 536 с.

- Krylova, I.A. (2016) New Types of War and Russia's Security. *Knowledge, Understanding, Skill*. (3), 58–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.3.4> (in Russian).
Крылова И.А. Новые виды войн и безопасность России // Знание, понимание, умение. 2016. № 3. С. 58–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.3.4>
- Laptsenak, V.A. (2024) Legal Dimension of Digital Transition in the European Union External Competences Practice. *Theory and Practice of Social Development*. (4), 191–196. <https://doi.org/10.24158/tpor.2024.4.24> (in Russian).
Лантёнок В.О. Цифровой переход и его правовые аспекты в реализации внешних компетенций Европейского союза // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 191–196. <https://doi.org/10.24158/tpor.2024.4.24>
- Lolayeva, A.S. (2021) Digital (Electronic) and Traditional Democracy: Correlation Aspects. *Constitutional and Municipal Law*. (4), 23–26. (in Russian).
Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.
- Mitter, R. (2022) China: Revolutionary or Revisionist? *The Washington Quarterly* 45 (3), 7–21. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2022.2124017>
- Prikhodko, D.V. & Sherov-Ignatiev, V.G. (2024) Digital Economy in Africa: State and Development Problems. *Bulletin of St. Petersburg State University. Economics*. 40 (1), 1–35. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.101> (in Russian).
Приходько Д.В., Шеров-Игнатиев В.Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник СПбГУ. Экономика. 2024. Т. 40. № 1. С. 1–35. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.101>
- Rosales, A. (2019) Radical Rentierism: Gold Mining, Cryptocurrency and Commodity Collateralisation in Venezuela. *Review of International Political Economy*. 26 (6), 1311–1332. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625422>
- Schulmeister, S. (2021) Financial Instability, Climate Change and the “Digital Colonisation” of Europe: Some Unconventional Proposals. In: Bettina, de S.G. et al. (eds.) *Financial Crisis Management and Democracy: Lessons from Europe and Latin America*. Switzerland, Springer Publ., 309–322.
- Schütte, L. (2023) Global Infrastructures: My Way or No Highway. In: *Re:vision: Munich Security Report 2023*. Munich, MSC Publ., 75–86. <https://doi.org/10.47342/ZBJA9198>
- Scott, S.V. & Zachariadis, M. (2014) *The Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT): Cooperative Governance for Network Innovation, Standards, and Community*. London, Routledge.
- Zuboff, S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. NY, PublicAffairs.

Сведения об авторе:

Лантёнок Виолетта Олежна – кандидат юридических наук, кафедра интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации; 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-5450-869X, SPIN-код: 8560-6246

e-mail: viola160596@gmail.com

About the author:

Violetta A. Laptsenak – PhD in Law, Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Federation Ministry of Foreign Affairs; 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5450-869X, SPIN-code: 8560-6246

e-mail: viola160596@gmail.com